

Лабиринт сознания

Яреци Фернандез

Восьмичасовой полёт подходил к концу, и девушка посмотрела в иллюминатор на унылые облака. Дождь шёл и в Китае, ей казалось, что этот дождь сопровождал её весь полёт, двигался за ней. На душе было отвратительно, она понимала, что не должна была разговаривать так резко с родителями, но она не могла иначе. Она боялась, что с ним действительно случилось что-то страшное, и сейчас он умирает где-то в горах. Один. И никто не знает, где он. Весь полёт, да и некоторое время до него, она представляла себе всякие ужасы и не могла остановиться. Отец спросил у неё, что она может сделать, и она до сих пор не нашла ответа на этот вопрос. Если никто не знает, что с ним случилось что-то ужасное и где он находится, то она-то точно не сможет найти это место. Но может попробовать использовать дар прорицания для этого? Ведь наставница говорила, что эта способность помогает увидеть то, что скрыто от глаз? Может быть как-то попробовать? Почему о том, что он пострадал в горах, никто не знает? Всем безразлично?

Воздушное судно заходило на второй круг. Несильно затрясло, но девушка не обратила на это внимания. Даже если бы и обратила, то ей было бы безразлично. Она не могла сейчас думать ни о чём другом, даже еда, которую она съела в самолёте, показалась ей совсем безвкусной, она даже не запомнила, что она съела. Тяжело думать о чём-то обыденном, когда в душе разыгралась не только настоящая буря, но и происходят различного рода панические атаки. Закрывая глаза, она себе представляла истерзанное окровавленное тело мистера Мотидзуки, уже бездыханное, а её губы тихо шептали "простите". Было невыносимо. Было больно и страшно.

Она прошла паспортный контроль, даже не обратив на это внимания, а потом устало и как-то тяжело опустилась на скамейку. Вытащила из кармана куртки мобильник и включила его. Позвонила отцу, чтобы сообщить, что долетела нормально, но наткнулась на известное сообщение "абонент не хочет с вами разговаривать", оповещающее о том, что телефон выключен. Написала маме сообщение, что долетела, и закрыла глаза. Тело сотрясала нервная дрожь, и она решила направиться дальше, чтобы не вызывать к себе излишнего подозрения. Родители были недовольны её решением, и она их понимала. Но она ничего не могла с собой поделать...

Она купила билет до Лхасы и осталась совсем без денег. Оставалась какая-то мелочь, её должно хватить на автобус от Лхасы. ближайший рейс со свободным местом был только поздно ночью, время ожидания в аэропорту составляло пятнадцать часов. Идти никуда не хотелось и не было сил, и она опустилась на скамейку и открыла книжечку, чтобы хоть как-то скрыть нервную дрожь и панику, разливающуюся по всему телу.

Маргарита Эрнандес

Последнее время Маргарите начало казаться, что она живет в какой-то искаженной реальности, где есть только разные виды работы и совсем немного сна. Хотя она и

понимала всю тщетность своих усилий «усидеть сразу на нескольких стульях», но никак не могла отказаться от обязанностей мастера или от участия в недавно нарисовавшемся на горизонте испано-китайском проекте по исследованию материала, найденного в пещерах Чжоукоудяня. В последний она попала относительно недавно благодаря вмешательству своего бывшего наставника, договорившегося об этом вопросе с представителями Пекинского университета.

Маргарита всегда любила насыщенную жизнь, но ее острое желание успеть везде, где это только возможно, приводящее к постоянным путешествиям между монастырем и Пекином, в какой-то момент начало играть с ней злую шутку. Рыжая загрузила себя настолько, что полноценный сон для нее превратился во что-то вроде недостижимой мечты. Вот и сейчас Рита, вместо того, чтобы сладко спать в своей кровати, тащилась на ночной рейс до Лхасы, который оказался единственным подходящим с учетом необходимости закончить с самыми срочными делами в Пекине.

По стечению обстоятельств девушка прибыла в аэропорт за три часа до вылета и, покончив с необходимыми формальностями, принялась искать подходящее для ожидания место. Пройдясь скучающим взглядом по сонным лицам будущих пассажиров, Маргарита неожиданно заметила среди них одно знакомое, которое она совершенно не ожидала увидеть в таком месте и в такой час. По ее данным, сидящая неподалеку ученица несколько месяцев назад уехала из монастыря на неопределенный срок. Но, видимо, и она по каким-то причинам не смогла долго оставаться вдалеке от Линь Ян Шо и решила вернуться обратно быстрее, чем это можно было бы предположить.

- Здравствуй, Яреци, - обратилась Маргарита к девушке по-испански, подходя поближе и внимательно изучая ее лицо, на котором явно проступали не только следы усталости, но и какой-то сильной тревоги. – У тебя что-то случилось?

Рита решила не тратить время на формальные вежливости и сразу перейти к делу. Если у знакомой ей ученицы что-то случилось, то она как мастер и просто равнодушный человек не могла оставаться в стороне. И, значит, ей в ближайшем будущем предстояло разобраться с причинами подозрительного состояния Яреци и оказать всю возможную в сложившейся ситуации помощь.

Яреци Фернандез

Время тянулось невыносимо долго. Ей казалось, что прошла целая вечность, но часы показывали совсем другое. Часовая стрелка перескочила на следующую цифру. Целый час, всего каких-то триста шестьдесят секунд, она изводила себя разными страшными мыслями. Почему она не смогла купить билет на более ранний рейс? Почему там не было мест? Она ведь не может просто сидеть и ждать. Вдруг он умирает? Или уже умер?

Она сильно вздрогнула, и упавшая с ее колен маленькая книжка громко стукнулась о плитку пола, заставив ее еще раз вздрогнуть. Она подняла книгу и встала со скамьи. Вышла на улицу. Оставалось много времени до рейса, у нее была возможность погулять по Пекину, посетить императорский дворец и пройтись по Запретному городу. За десять часов можно осмотреть весь город. Он не намного ведь больше

Москвы. А может и больше. Это не меняет сути. Потому что она просто не могла думать ни о чем другом кроме всех этих снов и видений. К тому же у нее денег было совсем мало, и она грустно вздохнула, поняв свое плачевное положение. Она поступила неправильно, и папа никогда не простит ее. Она первый раз в жизни получила пощечину. Она первый раз в жизни поругалась с родителями, используя в своей речи нецензурные слова. От этого становилось страшно и больно. Но ведь она не могла поступить иначе. Она не может просто сидеть дома, учиться, сдавать сессию, чувствуя, что ему нужна помощь. Может это ее больное воображение так разыгралось? Может у него на самом деле все хорошо, он забыл её, спокойно живет в монастыре. А она всего лишь психованная истеричка.

За такими раздумьями прошел час, ледяной ветер загнал ее обратно в здание, и она нашла тихое и укромное место, где можно прислониться головой к стене и хоть немного подремать. Она и не надеялась хоть немного успокоиться, просто нужно было хоть немного отдохнуть. Но эти навязчивые мысли и видения снова и снова терзали ее сознание, что она просыпалась со слезами на глазах, а потом забывалась коротким и беспокойным сном. Было прохладно, и ее тело начинала сотрясать дрожь. А может это была дрожь от нервов. Ей было без разницы...

Из этого забвения ее вывел голос по громкоговорителю, объявивший начало посадки на какой-то рейс. Она посмотрела на часы и увидела, что проспала около десяти часов. К ней никто не придрался, это было хорошо. Она протерла лицо руками и снова закрыла глаза. И услышала голос. Знакомый. Мотнула головой и посмотрела на рыжеволосую подругу мистера Мотидзуки. По сердцу резануло будто чем-то острым, и она вздрогнула.

- Здравствуйте, мисс Эрнандес, - она старалась быть вежливой и захотела встать перед знакомой, так как в школе учили, что при общении со старшим по возрасту полагается ему уступить место или встать, если тот стоит. Вот только встать не получилось. Ноги подкосились, а голова закружилась от голода. Она опустилась обратно.

- Я... меня преследуют кошмары, мне несколько дней снится, что с мистером Мотидзуки случилось страшное в горах. Он тренировался и сломал себе ногу... и я вчера сбежала из дома, поссорилась с родителями... Мисс Эрнандес, с ним случилось что-то страшное?

По щекам потекли слезы, и она спрятала лицо в ладони.

Маргарита Эрнандес

Состояние Яреци, сразу вызвавшее у Маргариты нехорошие подозрения, при более тщательном изучении оказалось совсем плачевным. Девушка даже на ногах стоять не могла, демонстрируя полное физическое истощение, ставшее, вероятно, следствием длительных переживаний на одну конкретную тему. Причем сама тема удивила рыжую настолько, что та даже не сразу сообразила, что ответить на откровения ученицы, хотя и прекрасно считала все, что та сообщила, включая самый важный момент, в котором Яреци прямо не признавалась, но который прекрасно объяснял причины ее импульсивного поступка.

- Во-первых, не надо никаких «мисс Эрнандес». В неформальной обстановке можешь звать меня просто Маргаритой. – Рыжая присела рядом с девушкой и успокаивающим жестом положила руку ей на плечо.

- Во-вторых, сомневаюсь, что с нашим хорошим знакомым случилось что-то ужасное. Насколько я знаю, еще пару недель назад он был жив и вполне здоров. И даже если он получил травму где-нибудь в горах, у него вполне хватит сил и опыта с этим разобраться. К тому же он с его характером при желании сможет переупрямить любые, даже самые неблагоприятные обстоятельства.

- В-третьих, если предположить, что страшный сон был не обычным кошмаром, а пророчеством, то в монастыре полным полно опытных прорицателей, которые наверняка увидели бы то же самое в случае, если бы жизни этого ворчливого японца действительно что-то угрожало.

Убеждая Яреци, Маргарита одновременно убеждала и себя. Целостность шкуры ее учителя в японских воинских искусствах, а по совместительству и друга, ее сильно волновала. Но рыжая, несмотря на огненную натуру, всегда старалась смотреть на вещи рационально и не давать эмоциям полностью захватить над собой власть. А если подходить к ситуации логически, то впечатлительная ученица явно преувеличивала масштаб трагедии из-за своих чувств к Тору, не заметить которые могло только бревно.

- А, в-четвертых, - Рита сделала небольшую паузу, стараясь подобрать правильные слова, - то, что ты так за него переживаешь, делает тебе честь. Как и твое решение, пусть и не самое разумное, поругаться из-за мужчины с родителями и броситься на другой конец света, чтобы узнать все ли с ним в порядке. Я вот, в свое время, на что-то подобное не решилась.

Интерес Яреци к мужчине значительно старше ее по возрасту не показался Маргарите чем-то ненормальным. Она сама в свое время побывала в подобной ситуации, только в отличие от юной ученицы ей не хватило смелости не только искать предмет своего увлечения, даже осознавая опасность для его жизни, но и сделать хоть что-то, чтобы его удержать, когда он уходил.

Яреци Фернандез

Когда на её плечо легла рука, она сначала напряглась, а потом отстранила ладони от своего лица и опустила голову. Она молча слушала Маргариту и не знала, что сказать. Её слова по поводу состояния мужчины её не убедили, и она готова была снова разреветься. Страх ледяным туманом сковал её душу, сжимая в стальной кулак. По телу снова прошла нервная дрожь. Она сглотнула и зажмурилась. Стёрла слёзы и робко посмотрела на сидящую рядом Маргариту.

- А если нет... а если ему нет возможности разобраться? Я... - она запнулась, проглотив комочек слёз, рвущихся наружу, - мне страшно. Я хотела прилететь в монастырь раньше, но свободны мест не было...

Доводы знакомой мистера Мотидзуки о том, что с ним не могло ничего случиться, никак не убедило девушку, и она старалась избавиться от этих неприятных и

назойливых мыслей, подбрасывающих в воображение не самые приятные картинки. И пока она старалась хоть ненадолго избавиться от них, то не запомнила следующую обращённую к ней речь. Только зацепилась за прорицания, да и за то, что Рита не решилась когда-то делать что-то подобное для кого-то. Она хотела спросить об этом, что она имела ввиду, но, наверное, это неправильно. Нельзя ни о чём спрашивать...

- Мне бы вашу уверенность, - тихо прошептала девушка, стерев слёзы с щек. Желудок громко возвестил о том, что в него нужно что-то положить, и она покраснела. Она даже и не помнила, когда последний раз ела. Кажется, позавчера. Завтракала. И всё... а, потом в самолёте что-то ела.

Маргарита Эрнандес

Яреци явно не была готова прислушаться к доводам рассудка. Переживания не давали ей взглянуть на ситуацию с разных сторон, но Маргарита не собиралась ее за это осуждать. Рыжая не знала, когда и как Тору умудрился пробраться в нежное девичье сердце, но, видимо, сделал он это настолько успешно, что все произнесенные Яреци слова, так или иначе касающиеся несговорчивого японца, вызывали что-то среднее между восхищением и глубоким сочувствием.

- Раз мы ничего не можем сделать, пока не окажемся в монастыре, то не лучше ли думать о хорошем? Например, о том, что с Тору не случилось ничего особенно страшного, и он все так же бродит по территории Линь Ян Шо, погруженный в свои мысли об одной юной особе.

Маргарита старалась всеми возможными способами отвлечь девушку и переключить ее с гипотетических страданий, испытываемых ее японским другом, о которых ей самой думать особенно не хотелось, на что-то другое. Поэтому ее слова носили провокационный характер, пусть даже и способный смутить девушку содержащимися в них намеками.

Признание Яреци о затянувшейся голодовке, сопровождаемое «стоном» пустого желудка, вызвало у Риты негодование и желание накормить страдальцу всем, что можно было найти в здании аэропорта.

- Интересно, как ты решила спасти пострадавшего в горах человека? Заморив себя голодом? — Рыжая быстро вскочила со скамейки, ухватила девушку за руку и потянула за собой. — Сначала нам надо решить насущную проблему — нормально тебя накормить. Выбирай все, что захочешь. Я угощаю. Если что, отказ я буду считать личным оскорблением и проявлением неуважения ко всем мастерам Линь Ян Шо.

Маргарита догадывалась, что скоропалительный отъезд Яреци и ссора с родителями могли негативно сказаться на ее финансовых возможностях. Для Риты не составляло труда или ощутимых затрат накормить девушку, так что рыжая решила и здесь проявить свое участие, практически лишая ученицу возможности тактично отказаться и остаться наедине со своими многочисленными бедами.

Яреци Фернандес

- Я постараюсь, - прошептала девушка, - не думать о плохом. - И горько усмехнулась на слова Риты о том, что он может думать о ней. - Сомневаюсь, что он вообще помнит обо мне. Кто я для него? Всего лишь мелкая девчонка, которая умудрилась в него втюриться... - сказала она, снова заливаясь слезами. Теперь уже из-за страха, что о ее влюбленности знает еще и мастер монастыря. Возможно, об этом кто-то еще догадывается. И она поняла, что папа правильно назвал ее дурой и истеричкой.

Тем временем Маргарита взяла ее за руку и потащила в небольшую забегаловку, работающую круглосуточно, чтобы чем-то накормить ее. Она снова стерла слезы и села за столик. С отсутствующим видом стала изучать меню. Есть хотелось, запахи будоражили ее сознание, но ни одир кусок не лез в рот. Как можно кушать, когда слова Риты о том, что с ним действительно все хорошо, он жив-здоров, ее не убедили?

Она взяла себе чай и донатс. Когда официант ушел, она посмотрела по сторонам и ушла в туалет, чтобы умыться и постараться успокоиться. Вернулась обратно и виновато опустила глаза.

- Спасибо. Я... у меня денег почти нет, осталась только какая-то мелочь на автобус до деревни. Я... я вам верну деньги... - тихо прошептала она, почувствовав, как на глаза в очередной раз наворачиваются слезы. Она правда не представляла, как сможет вернуть деньги. Ведь домой она не попадет, там ее никто не ждет, а здесь ей не найти работу. Все очень плохо. Нет, все ужасно. И время тянется невыносимо долго... Еще два часа до рейса. И через пять часов она попадет в горы. Вдруг она уже опоздала? Она снова представила себе окровавленное истерзанное тело мистера Мотидзуки, и не смогла подавить в себе стон. К горлу подкатил комок тошноты. Больно, страшно. Она отпила чай и закрыла глаза. По телу прошла нервная дрожь. Она не знала, что делать. Может она действительно психованная истеричка?

Маргарита Эрнандес

Комментарии к речи Яреци о том, что Тору о ней даже не вспоминает, Маргарита решила оставить при себе до того момента, когда девушка хоть немного подкрепит. Взаимодействие странной парочки, состоящей из далеко неюного упрямого мастера японского меча и милой молоденькой ученицы, рыжая видела всего один раз, но и этого ей хватило, чтобы понять, что дело здесь нечисто. Причем нечисто с обеих сторон. И раз Яреци своими признаниями подтвердила часть ее подозрений, то Рита резонно предположила, что и догадки, касающиеся ее хорошего знакомого, тоже были весьма близки к истине.

Сопротивляться попыткам ее накормить Яреци не стала, чем сэкономила Маргарите немало времени и энергии. Выбор девушки показался рыжей каким-то сомнительным, но настаивать на более плотной трапезе она не стала. Не хватало еще запихивать в несчастную ученицу еду силой, только усугубляя ее страдания. Сама Рита остановилась на крепком кофе, хотя и сомневалась, что тот ее как-то взбодрит и, дождавшись, когда Яреци приступит к еде, наконец, заговорила о наболевшем.

- Не надо мне ничего возвращать. Я же сказала, что угощаю. Неужели я не имею

права тратить свои деньги, как хочу?

Маргарита внимательно посмотрела на измученное лицо девушки, на котором, несмотря на все водные процедуры, еще оставались следы недавних слез. Рыжая не была прорицателем и не могла подтвердить или опровергнуть правдивость своих рассуждений. Ей оставалось только поддерживать Яреци словами и постараться показать той, что кроме ее мрачного взгляда на ситуацию, есть еще и другие, более позитивные варианты.

- За время нашего знакомства, я неплохо успела изучить Мотидзуки Тору сана, поэтому могу объективно оценивать его способности справляться с трудностями. Как и считать некоторые его эмоции и чувства, даже если он пытается их тщательно скрывать. Не буду тебя ни в чем убеждать, все равно ты мне не поверишь, но как женщина, у которой был роман с мужчиной на двадцать один год старше, скажу, что в подобном интересе, как с одной, так и с другой стороны нет ничего странного или противоестественного. И еще информация к размышлению: этот упрямый японец никогда ничего не забывает...

Последнее Маргарите несколько раз выходило боком, поскольку строгий учитель помнил все ее промахи и слабости и, что во время тренировок, что в обычной жизни беззастенчиво пользовался своими знаниями.

Яреци Фернандез

Донатс был с клубничной начинкой, но он не отложился в памяти девушки. И чай не запомнился. Впрочем сейчас это было совсем неважно. Хотя после процесса поедания мозг заработал чуть более интенсивно, и страхи, кажущиеся раньше такими ужасными, сейчас не казались уже такими. Они оставались, но уже хотя бы был какой-то проблеск надежды. Связано это было с тем, что она, наконец-то поела, или с уверенным и спокойным голосом Маргариты, девушка сказать не могла. В принципе, это было неважно.

С осознанием, что вся эта ситуация с мистером Мотидзуки, которую она умудрилась обрисовать в самых ужасных красках и состояниях, не такая уж и страшная, пришло ещё осознание того, что крепкий сон был очень давно, простой сон, не наделённый кошмарами, ужасами. Последнее время она не могла ни о чём думать, она даже стала хуже учиться, и это сказалось на некоторых предметах. Возможно, её бы не допустили до сессии. А сейчас получается, что её отчислят из института, домой ей возвращаться нельзя, так как папа вряд ли поможет ей с билетами, заработать здесь деньги она не сможет... короче, весёлая перспектива, ничего не скажешь. Она горько усмехнулась и посмотрела на Риту.

- Я... - она вздохнула и сжала руки в кулаки. - Я уехала отсюда с одной только целью - чтобы его забыть. Я даже порвала его портрет. Но у меня ничего не получилось. Я помнила его... я познакомилась с сокурсником, Максимом, мне казалось, что я нравилась ему, но он... он использовал меня в своих целях. Мистер Мотидзуки говорил мне, что я слишком добрая, и моей добротой все начнут пользоваться... а потом... мне стали сниться эти сны...

Её голос сильно дрожал. Она не знала, зачем всё это говорит, но ей нужно было

просто кому-то что-то рассказать. Говорят, что так становится легче, если выговоришься. Пока легче не стало, может это вообще неправда.

- Папа был в ярости, когда услышал о моих чувствах к мистеру Мотидзуки. Он дал мне пощёчину и забрал билет, которым я должна была лететь зимой. Мама мне так и не ответила на сообщение... я боюсь, что папа меня никогда не простит, но... я не могу его забыть. Хочу, но не могу... - Она сглотнула и сильно сжала руки в кулаки, чтобы не дать слезам снова вырваться наружу. Хорошо, что сейчас была глубокая ночь, и в кафе не было посетителей, а то неудобно как-то... - Мисс Эр... Маргарита, а у вас когда был роман с тем человеком... как ваши родители к этому отнеслись?

Маргарита Эрнандес

В процессе поглощения пищи, если ее скудную трапезу можно было так назвать, Яреци немного успокоилась и стала больше походить не на страдающее привидение, а на нормального живого человека. Маргарита даже почувствовала некоторое облегчение. Она уже начала бояться, что девушке станет совсем плохо и ее придется откачивать. Но, к счастью, до таких крайностей дело не дошло, позволив ей без происшествий допить свой кофе и выслушать все, что Яреци посчитает нужным рассказать.

А девушка, тем временем, как раз решила выговориться и поделиться тем, что скопилась за последние месяцы и, вероятно, было озвучено впервые. Маргарита ее не прерывала и не задавала вопросов. Метания юного духа рыжую не удивляли. В конце концов, она и сама когда-то была в возрасте Яреци и тоже позволила себе подпустить слишком близко мужчину, не подходящего ей по всем возможным параметрам. Причем ее ситуация, в каком-то смысле, была еще хуже. Хосе Анхель Суарес Дельгадо в отличие от культурного, хорошо образованного и законопослушного Мотидзуки Тору сана занимался, чем придется и имел немало знакомств в криминальных кругах.

- Никак. — Маргарита решила не комментировать откровения девушки и сразу ответить на заданный вопрос. — Они об этом не знали. В то время у меня был отличный подставной жених, выбранной матерью. Его наличие позволяло мне некоторые вольности, вроде поздних возвращений домой. И я больше чем уверена, что Расскажи я им правду, они были бы в ужасе. Особенно отец, который с юности работал в полиции и всегда болезненно относился к любого рода нарушениям закона, которыми Чанхель баловался чуть ли не каждую неделю.

Маргарита выдержала небольшую паузу, а затем добавила:

- Но я больше чем уверена, что они, несмотря ни на что, меня бы простили и смирились с моим выбором. Конечно, с некоторыми оговорками, касающимися изменения образа жизни моего избранника. Потому что нормальным родителям свойственно любить своих детей и желать им счастья. Главное, вовремя объяснить им, что твое счастье заключается вовсе не в том, в чем они изначально предполагали.

Яреци Фернандес

По громкоговорителю объявили начало регистрации на рейс до Лхасы, и девушка слегка вздрогнула. Снова в успокоившуюся было душу стали проникать жуткие

страхи, и она закрыла глаза. Первый раз сильно заболела голова, боль была чуть ли не до тошноты. Она вспомнила, что совсем не помнит, когда последний раз "надевала" ментальный щит. Может быть все эти ощущения, страхи, представления о растерзанном теле мистера Мотидзуки было связано только с этим? Если бы она более ответственно относилась к ментальной магии, то ничего бы этого не было? А если это не просто ее больное воображение, а реальная опасность?

Снова стала накатывать паника. Она понимала, что это не закончится, пока она не убедится, что с ним все в порядке. Или пока не обнаружит, что он... нет, об этом она запретила себе думать. С ним не может ничего случиться. Если Маргарита говорит это так спокойно, то... не верить ей у Яреци нет оснований.

- Спасибо вам, Маргарита. Я... - онс не зппла, что еще сказать. Она выслушала историю своей собеседницы и вздохнула. Что-то надо было отвечать? Или оставить недосказанным? Она не знала.

- Папа был всегда против моих отношений с мальчиками. В школе мне нравился Паша, но папа говорил, что он на меня плохо влияет... - она осеклась. Услышала повторение сообщения о начале регистрации. - Мне надо на самолет. А вы... вы в Пекин только прилетели?

Одной лететь совсем не хотелось, она боялась, что, оставшись одна, снова не сможет справиться с ужасными мыслями.

Маргарита Эрнандес

Маргарита надеялась, что ее слова смогут если и не взбодрить, то хоть как-то отвлечь девушку. Причем она была с ней абсолютно честна. Рыжая уже давно поняла, что беспочвенные обещания и ложные надежды несут лишь временное успокоение, а при столкновении с реальностью становятся причиной дополнительной боли. Но в данной ситуации она искренне верила, что все не так плохо. И это касалось как состояния здоровья ее японского друга, так и перспективы его с Яреци отношений. Сама она в похожей ситуации приняла рациональное и логически верное решение, которое, несомненно, понравилось бы родителям, но которое за все прошедшие годы почему-то так и не принесло ей особой радости. По крайней мере, в том, что касалось личной жизни.

- Всегда пожалуйста. Мне не жалко. А папы они такие – сначала не любят мальчиков, а потом смиряются. – Про себя Маргарита добавила, что Тору уже давно не мальчик, так что с отцом Яреци стал бы разговаривать по-мужски, но озвучивать подобные мысли так и не стала.

- Да нет. Я как раз из Пекина улетаю. Так что составляю тебе компанию до монастыря, а заодно и прослежу, чтобы ты не отказывалась от пищи и не пыталась через каждые несколько шагов шлепнуться в обморок.

Маргарита поднялась и поманила девушку за собой. Впереди их еще ждал перелет и поездка на автобусе, не говоря уж о пешеходных прогулках. Так что за Яреци следовало присмотреть, а то потом тот же Мотидзуки Тору сан ей спасибо не скажет, если она довезет интересующую его особу в непотребном состоянии. И если он спускал

рыжей всякие вольности, касающиеся его лично, то, пожалуй, подобной оплошности он бы ей прощать не стал.
